

ГРОССМАН МАРК СОЛОМОНОВИЧ

«ПТИЦА - РАДОСТЬ»

В сороковые-пятидесятые годы двадцатого века над городскими окраинами часто кружили стаи голубей. Это голубятники запускали в небо своих красавцев турманов, почтарей, монахов, павлинов. Сдержанно сияли глаза мальчишек, сжимавших в руках шест с тряпичей, старшие сурово хмурились, а на самом деле гордо и ревниво следили за своими любимцами.

Эта глубокая страсть не обошла и нашего челябинского писателя Марка Соломоновича Гроссмана. Результатом стала прекрасная и нежная книга о голубях «Птица-радость». Она появилась при поддержке, участии и одобрении Виталия Бианки. Маститый писатель-природовед предложил для книги и это крылатое название.

Книга вышла в Челябинском книжном издательстве в 1955 году, а потом не раз печаталась в Свердловске и Москве. Одно из последних изданий, дополненное и улучшенное, выпустил в 2002 году Челябинский издательский центр «Взгляд».

В этой книге – особый, малознакомый мир: суровые правила «голубинки» – птичьего рынка на ЧТЗ; законы птичьего крыла и полета; жизнь голубей у человеческого жилья. Но главное – голубиная верность, преданность дому, дружба с человеком.

Гроссман в детстве разводил голубей, потом вернулся этому занятию уже в зрелые годы. Отсюда такая наблюдательность, точность в описании, такое понимание голубиной души.

Недаром его советов, оценки ждали другие голубятники, уважали, прислушивались к нему.

Для Гроссмана голуби значили многое:

«Они были для меня как добрые друзья, со своим лицом и достоинствами. Я составлял себе компанию много лет, помогал голубям устраивать свадьбы и очень гордился внуками и правнуками своих птиц – чистотой их пера, совершенными формами, летной силой... Я так много лет дружил с ними и учил любить дом». («Домой из плена»)

Строительство голубятни, создание гнезд, увлекательный подбор и покупка голубей, тренировка их на дальность полета занимали много времени. Но и голуби платили привязанностью и любовью к своему хозяину.

Рассказ «Ранняя весна» - о лучшей птице из голубятни писателя, так поэтично он назвал почтовую голубку.

«У Ранней весны и вправду есть что-то общее с этим замечательным временем года, - любовался он ею. – У нее белые с еле заметным желтовато-серым отливом перья. На груди и боках черные и синеватые пятна. Так и кажется, что на снегу, который уже начал пропитываться весенней сыростью, появились первые темные прогалинки, и на ранних этих прогалинках зацвели фиалки».

Гроссман выпустил голубку за пятьсот километров от дома. Ноябрь оказался коварным: теплая, ровная погода сменилась дождем и вьюгой.

«Не знаете вы, что такое сердце почтового голубя! В маленьком сердечке этой птицы живет неистребимая любовь к своему дому, к родному гнезду. И пока бьется это сердечко, Ранняя весна будет лететь все вперед и вперед через сотни километров, через буран и испытания...», – мучился и гордился писатель.

Ранняя весна пробилась сквозь непогоду. Усталая, исхудавшая, со слипшимися перьями, она все-таки долетела до дома и умерла на руках хозяина.

«Прощай, гордость моей голубятни, прощай, Ранняя весна!» – горько восклицает он.

Несведущий скажет, что в трагедии виноват сам голубятник, мог бы и поберечь редкую птицу. Но нет, такая уж судьба у голубей: их тянет в небо, в полет.

Вот и рассказ «Сердце турмана» посвящен голубю особой породы – турману. Такой голубь забирается кругами высоко в небо и оттуда несется к земле на огромной *«скорости колесом, кувыркаясь»*.

Гроссман восторгался:

«Стоило полюбоваться... когда [четверка турманов] вся враз или попеременно вытаскивала в воздухе длинную стружку. В груди турманов билось молодецкое сердце, звавшее птиц к смертной игре и риску».

Гроссман собирал разных голубей, чтобы наблюдать за ними, изучать их. И частенько его рассказы о голубях больше походили на повествование о человеческих характерах. Писатель объясняет:

«...Дорогой породистый голубь всегда под присмотром, не дай бог куда улетит! Не заболел бы! Не прибрала бы кошка к лапам! Ну вот – и выходят из таких птиц тихони да аккуратисты. А я их не люблю.

Мне подай такого орла, чтоб сам все умел делать: и в нагон идти, и из беды выкрутится, и пропитанье себе добыть... Вот такой голубь мне по душе». («Шатун Петька целковый»)

Не таким сначала казался голубь по кличке «Заморыш». Сосед Гроссмана, старый голубятник дядя Саша говорил об этом голубе: *«Ну, жабенок! Душа, что в веннике!»*.

Слабые крылья плохо держали Заморыша в небе. Силенок и красоты явно не хватало. Но через пару месяцев хозяин с удивлением увидел его ровный и смелый полет: все это время он упорно летал и летал, набирая силу. Пораженный дядя Саша даже потребовал сменить кличку: *«Нечего зря обижать птицу»*.

Разные голуби жили у Гроссмана. Он рассказывает о непутевом шатуне Петьке Целковом; о лентяе и задаваке Бове Королевиче, которому, видать, *«не страшно с ума сойти – не с чего»*; о крохотном почтаре Кирюхе,

ушедшем от ястреба; о сильном и смелом Орлике, который привел помощь пострадавшему на охоте хозяину: о безымянном голубе, не оставившем в чужом дворе свою большую голубку-жену.

Соседки выговаривали: *«от голубей – ни мяса, ни шерсти, ни молока».*

Но писатель и его друзья знали:

«Скучным людям крылатая эта красота всегда будет чужой и непонятной». («Розы и шипы»)

Живыми цветами называла голубей соседка Галочка. А преданные дворовые мальчишки готовы были идти в бой, защищая своих любимцев.

«Вы не замечали, что в словах «голубь» и «любовь» много одинаковых букв и звучат они очень похоже. Вы думаете – это случайность? – размышлял Гроссман. («Чинк – сын черной пустыни»)

«Чтобы впереди ни случилось, останутся на земле для счастья человека и цветы, и травка, и птицы всякие. Голубь, конечно, ... чтобы люди умели радоваться маленькой красоте, крылатому счастью», - говорил М. Гроссман.